

„Закатъ Европы“

Въ Берлинѣ, въ изданіи «Геліконъ», евразійцы выпустили своей второй сборникъ — «На путяхъ. Утвержденіе Евразійцевъ». Подобно первой книгѣ ихъ — «Исходъ къ Востоку. Предчувствія и свершенія», вторая говоритъ намъ о «выходѣ Россіи изъ рамокъ современной европейской культуры», о грядущей культурѣ, имѣющей зародиться въ Россіи, Евразіи, о закатѣ Европы...

И та-же, въ сущности, тема звучитъ въ вышедшемъ недавно въ Москвѣ (изд. «Берегъ») сборникѣ статей «Освальдъ Шпенглеръ и закатъ Европы», гдѣ четыре автора — Ф. А. Степунъ, С. Л. Франкъ, Н. А. Бердяевъ и Я. М. Букшпанъ излагаютъ, комментируютъ и оспариваютъ извѣстную книгу Шпенглера — „Der Untergang des Abendlandes“.

Евразійцы, нѣкоторые изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, относятся рѣзко отрицательно къ Шпенглеру. Съ другой стороны, сами авторы Московскаго сборника предупреждаютъ, что они не объединены общностью міросозерпанія: общее между ними «лишь въ сознаніи значительности самой темы — о духовной культурѣ и ея современномъ кризисѣ». Тѣмъ явственнѣе выступаетъ за этими отличіями и яркими противорѣчіями какое то глубокое влупреннее единство; единство даже не идейное: единство

чувствъ, предчувствій, чаяній. Чувства эти охватываютъ многихъ; московскіе писатели и евразійцы не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія: они не одиноки въ своемъ своеобразномъ ощущеніи, въ ожиданіяхъ своихъ и надеждахъ: многіе изъ насъ имъ сочувствуютъ; многіе изъ тѣхъ даже, которые идейно чрезвычайно далеки отъ нихъ.

Дѣло идетъ о сознаніи, болѣе или менѣе отчетливомъ, относительноности той западно-европейской культуры, которая, до послѣднихъ лѣтъ до войны, была въ нашемъ представленіи высшимъ типомъ культуры, мало сказать — культурой *par excellence*, единственно возможной, той формой жизни, которой искало, къ которой устремлялось все многовѣковое развитіе человѣчества. Въ этой формѣ было для насъ лѣтче абсолютное, непрерываемое: она будетъ еще измѣняться, эволюціонировать, но въ предуказанномъ уже сейчасъ направленіи и на основахъ, нынѣ уже крѣпко заложенныхъ. И вотъ, культура эта на нашихъ глазахъ теряетъ свой самоцѣльный, абсолютный характеръ: она въ ряду другихъ; она возникла подобно другимъ, до нея бывшимъ и подобно другимъ она закатится.

Когда евразійцы пишутъ («Два Міра» — Петръ Савицкій): «для философіи этой (евразій-

ства) зарождение, развитие, умирание культуръ суть внятные, непреложные факты», они всецѣло примыкають къ Шпенглеру и къ московскимъ его комментаторамъ, особенно сочувственно развивающимъ эту мысль германскаго писателя. Но самая эта идея, высказывавшаяся неоднократно и раньше, получаетъ теперь особое распространѣніе, развивается убѣдительно, разнообразно и успѣшно, именно потому, что особенно остро сейчасъ у многихъ чувство кризиса, какого то перелома, начала какихъ то новыхъ творческихъ опытовъ и свершеній. Не то же ли сознание живетъ, хотя и въ другой формѣ, въ «Скифахъ», столь чуждыхъ, въ остальномъ, и евразіяцамъ, и Франку, и Бердяеву.

Нѣтъ сомнѣній, что чувство это, катастрофизмъ и связанное съ нимъ, имъ питающееся ученіе о множественности культурныхъ типовъ, объ ихъ гибели и смѣнѣ, особенно влекутъ къ себѣ русскую мысль, отчасти и нѣмецкую, т. е. мышленіе тѣхъ странъ, изъ которыхъ одна уже выпадаетъ изъ круга европейскихъ культуръ, другая же — къ этому выпаденію какъ будто приближается. И думается, что самое возникновеніе, распространѣніе и многообразное развитіе этой философской и исторической концепціи должны служить въ глазахъ наблюдателя доказательствомъ ея истинности, ея соответствія историческому моменту: теорія смѣняющихся культурныхъ ти-

повъ, признаніе относительной лишь цѣпности западно-европейскаго строя — продукты закатывающейся культуры. Историческое чувство, повидимому, является принадлежностью умирающихъ эпохъ: лишь онѣ способны на справедливость и объективность по отношенію къ эпохамъ инымъ, имъ чуждымъ и враждебнымъ.

Въ періодъ роста своего и правильнаго развитія, европейская культура создала теорію прогресса, включившую всѣ различныя культурныя типы въ единую систему, рассматривавшую ихъ какъ рядъ ступеней восходящихъ. Въ періодъ кризиса, ставшаго явнымъ послѣ войны, но который видѣли и предчувствовали многіе уже давно, въ періодъ разложенія — распространяется теорія, уничтожающая эту стройную систему, разрушающая единство вносимое идеей прогресса въ пеструю смѣну культуръ и народовъ, утверждающая (Шпенглеръ) равноцѣпность и несводимое своеобразие отдѣльных періодовъ, оспаривающая гегемонію Западной Европы и чающая, что огонь новой жизни разгорится на Востокѣ, въ Россіи (Евразіяцы, Скифы).

Въ общемъ авторы Московскаго сборника о Шпенглерѣ отясаются чрезвычайно сочувственно къ идеямъ и оцѣнкамъ германскаго философа. Критика ихъ, и подчасъ довольно рѣзкая, касается лишь духа пунштовъ: незначительной роли отводимой Шпенглеромъ христѣ-

апосту, и отказа его отъ единого человечества, отъ единой исторіи, отъ единого развитія. Русскіе критики Шпенглера стоятъ на религиозной точкѣ зрѣнія: Шпенглеръ хочетъ лишь быть биографомъ отдѣльныхъ культуръ; Шпенглеръ — релятивистъ: каждая эпоха обладаетъ своими истинами, своей наукой, точно такъ же, какъ каждая изъ нихъ имѣетъ свое искусство, свою религію, которыя погибаютъ вмѣстѣ съ нею и мертвы для послѣдующихъ эпохъ. Этотъ релятивизмъ Степунъ, и Франкъ, и Бердяевъ ограничиваютъ; за этой смѣной они хотятъ вскрыть какое то единство, какой то смыслъ, но конечно не въ идеѣ прогресса, созданіи западно-европейской мысли, они находятъ этотъ смыслъ. Противъ скептицизма и релятивизма Шпенглера они выдвигаютъ нѣкую абсолютную истину прозрѣваемую ими въ религіи, именно въ христіанствѣ, точнѣе даже (нѣкоторые изъ нихъ по крайней мѣрѣ) — въ православіи. Шпенглеръ служитъ имъ, поэтому, главнымъ образомъ орудіемъ борьбы противъ западно-европейской культуры, деградирующей въ цивилизаціи, гдѣ «Смерть мѣна въ божвѣрїи, живого творчества въ мертвой работѣ, космическаго разума въ практическомъ разсудкѣ, націи въ интернаціоналѣ, организма въ механизмѣ».

Но болѣзнь Запада уже устояновлена была задолго до Шпенглера, славянофилами — Кирѣевскимъ, Достоевскимъ, Леон-

тьевымъ. Определенно ощущается, что именно къ нимъ при-мыкаютъ авторы сборника въ своемъ осужденіи рационалистической, механической, всеуравнительной западной культуры или, по крайней мѣрѣ, какъ выражается Франкъ — одного ея течения, того, которое опредѣляетъ ея поверхностные слои.

Тамъ, гдѣ авторы Московскаго сборника высказываются еще неувѣренно, лишь намекаютъ, или готовятъ и ограничиваются осторожными указаніями, тамъ евразійцы смѣло, категорически утверждаютъ; для нихъ уже сомнѣнія нѣтъ: и ученіе о многообразіи культурныхъ типовъ, о культурномъ своеобразіи Россіи, которая не есть Европа, но не есть также и Азія и представляетъ собою *synthesis* — Евразію, это ученіе, корни котораго восходятъ къ славянофильству, сочетается съ определенно неославянофильскимъ европейскимъ мессіанизмомъ: европейское человечество безнадежно больное, Россіи предстоить спасти его, явивъ намъ новую форму жизни.

II.

Въ идеологій евразійцевъ — я говорю: евразійцевъ; но очевидно, что евразійцы лишь договариваютъ, наивно, смѣло, то именно, что чувствуютъ и думаютъ многіе русскіе историки, философы, критики, художники, зараженные въ той или иной формѣ мессіанизмомъ и ищущи-

шие выхода из европейской культуры, — в этой идеологии можно различить несколько отдельных моментов, психологически, субъективно тесно связанных между собою, но логически самостоятельных: множественность культурных типов (культурный релятивизм); самостоятельность путей России, своеобразие ее культурного бытия (Евразия); отрицательная оценка европейской культуры, переродившейся в цивилизацию (закат Европы); утверждение грядущей культуры России как религиозной православной; надежды возлагаемые на церковь, теократическая бытие может даже мечты, националистическая мистика и, в связи с этим, антисоциалистическая тенденция (славянофильский мессианиззм).

Я не собираюсь дать исчерпывающую критику «евразийства», интереснаго главным образом потому, что в нем доведены до обостренной чрезвычайной формы общераспространенные среди нас настроения, мне хотѣлось бы только указать, что в нем содержится болѣе объективно ценнаго. Таковой представляется мысль об «особых путях России», о географическом, физическом своеобразии этого мира, отличнаго отъ европейскаго, способнаго выработать свои формы жизни. Съ этой точки зрѣнія особенно интересны въ обоих сборникахъ евразійцевъ статьи Петра Савицкаго: «Степь и осѣдность», «Континентъ —

Океанъ», «Миграція культуры» и П. М. Бицилли — «Востокъ и Западъ въ исторіи стараго свѣта». Здѣсь мы — въ области фактовъ; правда, факты эти получаютъ иногда чрезвычайно смѣлыя и неожиданныя истолкованія, въ которыхъ сужденія по аналогіи играютъ чрезвычайную роль, и выводы по значительности и категоричности своей часто не соответствуютъ скромности фактическаго матеріала. Но матеріалъ этотъ имѣется; мысль писателя опирается о реальную почву и постоянное сопряженіе этой мысли съ историческими и географическими данными, придаетъ ей крѣпость и убѣдительность. Въ этой области (сравнительное культуровѣдѣніе) ничего еще почти не сдѣлано, ибо существующія исторіи культуры пропикнуты (кромѣ труда Шпенглера) идеей объ абсолютной цѣнности и единственности европеизма, съ точки зрѣнія котораго и расцѣпываются все формы жизни. Статьи Савицкаго пропитаны культурнымъ релятивизмомъ: онъ отбрасываетъ европейскій метръ и стремится (въ полномъ согласіи со Шпенглеромъ и съ авторами Московскаго сборника) къ индивидуализации каждаго культурнаго типа, разсматриваемаго въ себѣ, какъ нѣчто болѣе или менѣе равноцѣнное въ своемъ своеобразіи.

Методъ этотъ можно признать правильнымъ — введя въ него, однако, извѣстный коррективъ, о которомъ ниже, —

и намѣчающимъ плодотворный новый путь; къ какой то истинѣ здѣсь мы подходимъ, и сразу значительно обогащается и расширяется нашъ историческій горизонтъ, опустошенный сѣрой идеей прогресса, съ помощью которой всё предшествующія историческія эпохи оказались низведенными на роль подготовительныхъ ступеней къ великолѣпному настоящему. Но утверждение особенности російскаго континента, Евразія и его историческаго значенія приводитъ, конечно, къ вопросу о характерѣ этой грядущей евразійской культуры, объ отличіяхъ ея отъ культуръ Востока и западно-европейской, о томъ ликъ человѣческомъ, который она должна намъ явить. И тутъ мы вступаемъ въ область гаданій, экстаическихъ видѣній и пророчествъ, которые субъективно, быть можетъ, и полны значенія, обладаютъ для авторовъ ихъ непрекасаемостью и полной очевидностью, но со стороны представляются лишь «браниемъ кимваловъ», утомляющимъ своей безсодержательностью.

Пафійствуютъ и Петръ Савицкій, по ярости въехъ—Петръ Сувчинскій, статьи котораго («Вѣчный устой», «Типы творчества», «Сила слабыхъ», «Эпоха вѣры») нѣсколько напоминаютъ по пророческому пафосу своему и по тону рѣчи, богатой славянизмами — писанія Вячеслава Иванова, значительно имъ уступая, однако, въ напряженности и оригинальности мыш-

ления. Того же типа, хотя и съ значительной претензіей на фактичность и строгую научность, статьи кн. Н. С. Трубецкого («Русская Проблема», «Религія Индіи и Христіанство», «Объ истинномъ и лозномъ патриотизмѣ»).

Въ этихъ восторженныхъ пророчествахъ и горячихъ обличеніяхъ Европейской цивилизации и русскаго западничества звучать, конечно, хорошо намъ знакомыя славянофильскія мелодіи. Въ этомъ бѣды нѣтъ большой: указаніе на ту или иную преемственность, на связь нынѣ развиваемыхъ идей съ тѣми или другимъ направлениемъ нисколько, конечно, не предрѣшаетъ оцѣнки этихъ идей. Однако, протекція со времени Кирѣевскаго, Хомякова и др. десятилѣтій, должны были насъ чему нибудь научить; нельзя преподносить намъ ихъ мысли почти въ той же оболочкѣ и не внося въ нихъ коррективовъ.

Возставая противъ европейской гегемоніи, защищая права отдѣльныхъ культурныхъ типовъ — Восточныхъ и др. евразійцы (въ особенности кн. Н. С. Трубецкой) стоятъ на точкѣ зрѣнія культурнаго релятивизма. Но едва они переходятъ къ судьбамъ Россіи и начинаютъ мечтать о грядущей культурѣ Евразіи, какъ тотчасъ возвращаются къ ученію о единственной, абсолютной, если такъ можно выразиться, культурѣ, которая должна исполнить всё чашіи челоуѣчества и явиться

синтезомъ, вѣнцомъ его усилій: европейскіе націонализмъ и самовлюбленность, столь осмѣиваемые кн. Н. С. Трубецкимъ и другими евраійцами, возрождаются въ евраійскомъ націонализмѣ; евраійская культура становится единственно спасающей. Она воплотитъ ту цѣльность духовную, ту гармонію, которой лишилась европейская цивилизація со времени Возрожденія.

Сладостныя надежды! Но гдѣ же залогъ ихъ осуществленія? Въ чемъ черпаютъ евраійцы увѣренность свою? Субъективные, психологическія основанія этой увѣренности меня здѣсь сейчасъ не интересуютъ. Прорѣчія и пророчества П. Сувчинскаго или Георгія Флоровскаго убѣдительно лишь для тѣхъ, кто вѣруетъ подобно имъ; въ другихъ они способны вызывать только чувство недоумѣнія и удивленія, нечуждаго, быть можетъ, и зависти: счастливы люди, стоящіе столь крѣпко!

Когда Георгій Флоровскій пишетъ:

«Жить и дѣйствовать въ церкви, творить свое дѣло въ духѣ Христовомъ, исходя изъ религіознаго воспріятія жизни — вотъ единственный путь, которымъ возможно выйти изъ историческихъ тупиковъ, образовавшихся среди разваливъ рухнувшей жизни. Великая Россія возстанетъ лишь послѣ того, какъ начнетъ создаваться русская православная культура, — и только православное дѣло,

творчество въ духѣ и подѣ сѣнью церкви есть въ наши дни праведное русское дѣло». Когда я читаю у П. Сувчинскаго: «корооче говоря, въ будущемъ немислимъ типъ генія-индивидуалиста, раскольника, отщепенца и «серетика». Все подлинно творческое будетъ укряплять, будить, развивать единую и общую форму вѣры. Всякая творческая воля, на какой бы крайности индивидуализма она ни стояла, помимо личнаго устремленія, окажется въ этой формѣ, съ ней сольется, ибо все будетъ подхвачено въ Единой Рукѣ... Утверждаясь въ этой объединяющей формѣ — каждый перестанетъ строить свою вавилонскую башню... а все совокупно начнутъ возводить купольный храмъ, который бы крылилъ надъ землею и своимъ живымъ и горящимъ сводомъ накрывалъ бы землю, приближалъ бы небо къ землѣ, дѣлая твердь небесную — твердыней земли и пусть «Россія, смерчемъ скрученная въ столбъ» — будетъ однимъ изъ столповъ утвержденія и устоя этого свода», — я склоненъ думать, что настроенія эти возникли и расцвѣли по закону контраста: они такъ сильны именно потому, что дѣйствительность имъ противорѣчить, потому что въ этой дѣйствительности нѣтъ ничего, что могло бы питать и обосновать эти мечты и стремленія.

Надежды, возлагаемыя на православную церковь, чаііе какой то русской православной культуры, об-

ликъ которой остается совершенно неопредѣленнымъ — это конечно, отъ славянофиловъ, прогнозы которыхъ (между прочимъ и Достоевскаго) оказались совершенно ложными, но которые въ глазахъ евразійцевъ являются единственными истинными выразителями русскаго духа.

«Въ русскомъ XIX в. явственно различимы два обособленныхъ преемства. — Одно обнимаетъ занимающуюся въ 30 — 40 гг. зарю русскаго религиознаго творчества. Рождающаяся изъ вѣдръ нѣкоего древняго духа, съ трудомъ преодолевая покровы окружающей среды, — религиозное озареніе вспыхиваетъ въ позднемъ Гоголѣ, славянофилахъ. Окружающее не властно заглушить лучи. Брезжащій свѣтъ разгорается въ творчествѣ Достоевскаго, Владимира Соловьева и тѣхъ, кто былъ и есть съ ними. Какъ наследіе XIX вѣка Россія обрѣтаетъ достояніе нравственно-со-вѣстной и богословской мысли, достояніе, поистинѣ, составляющее, въ выборѣ и сопоставленіи, — канонъ книгъ русскихъ, учительныхъ... Въ развитіи «европейской» культуры, въ предѣлахъ XIX в., — та совокупность писаній, которую мы именуемъ: канонъ книгъ русскихъ учительныхъ... по стилю и сущности не имѣютъ подобій... зато имѣетъ подобія инос преемство, сказывающееся въ судьбахъ русской культуры: преемство, начало русскими просвѣтителями-обличи-

телями XVIII и первой половины XIX вѣка, идущее, черезъ Добролюбова, Писарева, Михайловскаго, къ просвѣтительнымъ-правителямъ большевистской эпохи; преемство позитивнаго мировоззрѣнія, идолопоклонства «наукѣ», преемство не скепсиса только, а «нигилизма» въ отношеніи къ «вѣрнаучнымъ» началамъ человѣческаго бытія; преемство не улыбки алгуровъ, но громкаго смѣха кощунственныхъ... Скажутъ, быть можетъ: «два различныхъ направленія общественной мысли»; сказавъ, ошибется: не два направленія, но два разныхъ историческихъ образованія, два раздѣльныхъ историческихъ міра... Къ первопроевѣдникамъ христіанства, къ истокамъ, начальнымъ моментамъ великаго историческаго цикла уводятъ проникающіе Хомякова и Достоевскаго, Леоптьева и Соловьева падежъ и озареніе. Къ позднимъ временамъ невѣрія (эпикурейскаго или коммунистическаго, безразлично), въ періоды «просвѣщенія», — достояніе убывающихъ культуръ — ведутъ мировоззрѣнія нигилистически — «научныя».

И дальше:

«Въ судьбахъ русскаго XIX вѣка невѣріе и истина «просвѣщенія» павѣяны, преподаны со стороны... Явленіе русскаго просвѣтительства — обличительства создалось въ обстановкѣ устранинъ, забвенія преемства, взгляда на «Европу», какъ без-

раздѣльную законодательницу и госпожу».

Конечно, эта концепція въ корнѣ певѣрна. Она противорѣчитъ всему тому, что мы знаемъ о развитіи славянофильства и западничества и о представителяхъ этихъ двухъ направленій, въ известной мѣрѣ — одинаково «западныхъ», ибо Гегель и Шеллингъ, и французскіе традиціоналисты повліяли на славянофиловъ не менѣе, чѣмъ европейскіе «просвѣтители», позитивисты и отрицатели — на западниковъ. Съ другой стороны, отказываться Россіи отъ всего западническаго движенія, какъ отъ чужероднаго — совершенно не приходится: Бѣлинскій, Чернышевскій, Писаревъ, Михайловскій, русскіе социалисты и идеологи революціи не менѣе національныя и типичныя для русской стихіи, чѣмъ Хомяковъ и др.

Впрочемъ, оспаривать подобныя «экзакуціи», сводящіяся къ объединенію народнаго духа во имя предвзятаго, узко-національнаго идеала — какъ то даже и неловко: ибо категоричность тона и безпрестанныя упорныя повторенія замѣняютъ здѣсь собою доказательства и анализъ сложнѣйшихъ проблемъ.

Хочется лишь отмѣтить мимоходомъ, что своимъ «евразійствомъ», въ такомъ узкомъ смыслѣ, обладаетъ каждая изъ европейскихъ странъ: если послушать французскихъ націоналистовъ и традиціоналистовъ въ родѣ Шарля Морэ, то оказыва-

ется, что кромѣ великихъ классиковъ XVII в. и ихъ эпигоновъ, вся французская литература послѣднихъ двухъ столѣтій заражена различными формами германизма, предастъ французское дѣло и осуждена на погильель.

III.

Не церковной мистикой своей, совершенно бесплодной и неглубокой — если бы была она творчески сильна, то нашла бы и новыя формы выраженія, новый стиль, а не повторяла бы старыя формулы — не хвастливымъ и крикливымъ націонализмомъ своимъ интересно и значительно евразійство, не положительными своими идеалами, но отрицаніемъ своимъ, критикой, острымъ сознаніемъ кризиса европейской культуры, проникающимъ и Шпенглера и его русскихъ критиковъ и апологетовъ, предчувствіемъ «Заката Европы», радостнымъ — у однихъ, тоскливымъ и мрачнымъ — у другихъ.

Но въ этой формулѣ много неяснаго, смутнаго; она рождаетъ множество вопросовъ и ставитъ проблемы, которыя «могильщиками» Европы, будь то Евразійцы, или Бердяевъ, вовсе не затрагиваются, или же разрѣшаются мимоходомъ, нѣсколькими словами.

И, прежде всего: идетъ ли дѣло о закатѣ Западно-европейской культуры или же о вырожденіи и угасаніи Европы? Съ известнымъ типомъ культуры

нельзя отождествлять творцовъ и носителей ея. «Фаустовскій чловѣкъ» умираетъ, говоря словами Шпенглера; но нечерпывается ли современный европеецъ «Фаустомъ»? Иначе говоря, не способенъ ли современный европеецъ къ новому культурному творчеству. Что заставляетъ насъ вновь обращаться къ Востоку и ждать египтеи и х? Мы можемъ вполне допустить (и въ статьяхъ Франка и Степуна возможность эта допускается), что кризисъ будетъ преодоленъ не извнѣ, не силами иного мѣра (Евразійскаго, Азіатскаго, Американскаго), но изнутри, самой же Европой.

Но вопросъ можетъ быть поставленъ и въ иной совершенно плоскости: возможно, что «закатываются» именно пароды Европы, неспособные къ новому творчеству, духовно обезсилѣвшіе, физически вырождающіеся. Сама же европейская культура, возможно, расцвѣтетъ въ новыхъ формахъ въ Америкѣ, въ Азіи, въ Австраліи. Допустимо вполне, что то паденіе напряженія творчества, которое замѣчается въ Западной Европѣ, перерожденіе культуры въ цивилизацію зависать отъ того, что истощилась въ Европѣ сама питательная почва, что усталъ европейскій чловѣкъ, а вовсе не оттого, что отравлена европейская культура, что принципы ея заражены ядомъ смерти. Если трансплантація европеизма возможна, а факты свидѣтельствуя объ этой возможности,

то кризисъ окажется лишь временнымъ и надежды евразійцевъ и «восточниковъ» не осуществятся.

Недоумѣніе вызываетъ также и отношеніе критиковъ европеизма къ христіанству въ той его формѣ, которая приняла наиболѣе дѣятельное участіе въ выработкѣ европейской культуры. Последняя есть культура христіанская. За предѣлами Европы (я беру сейчасъ этотъ терминъ не въ его географическомъ, конечно, значеніи) дѣтъ христіанскихъ культуръ. Нужно признать, что христіанство культурно бесплодно, или что въ европеизмъ (съ Россіей включительно, до послѣднихъ лѣтъ) мы имѣемъ единственную христіанскую культуру. Но вырожденіе этой послѣдней въ цивилизацію — если такое вырожденіе дѣйствительно происходитъ — не ставить ли подъ сомнѣніе судьбы христіанства, какъ исторической силы? Если «закатъ Европы» означаетъ смерть европеизма какъ культурнаго типа, а не только уходъ съ авансцены исторіи европейскихъ народовъ, то не близки ли сумерки христіанства?

Мысль Шпенглера къ этому, конечно, не приходитъ, хотя вообще культурная роль христіанства въ его концепціи сводится почти на нѣтъ. Противники европеизма, въ частности евразійцы, вѣщаютъ намъ о какой то грядущей православной культурѣ; но лишь вѣрующе, очевидно, могутъ разглядѣть

признаки ея приближенія; если судить о будущемъ по прошлому и настоящему, то дозволи- телешь скептицизмъ.

Укажу въ заключеніе еще на одно обстоятельство, чрезвычайно осложняющее вопросъ о кризисѣ культуры и заставляющее насъ съ большою осторожностью относиться къ столь убѣдительною по многимъ причинамъ мысли о «закатѣ Европы».

Культурный релятивизмъ, отказъ отъ идеи прогресса, при- званіе множественности культурныхъ типовъ и даже равноцѣпности ихъ — не должны за- крывать отъ насъ того факта, что Западная Европа совершила великое, единственное дѣло: она создала идею человѣче- ства и воплотила эту идею, осуществивъ различными путями (отчасти мечемъ) единство земли. Насколько намъ извѣст- но, европейская культура пер- вая, единственная приобрѣла планетарный характеръ. Мож- но презирать технику, прокли- нать ея развитіе, жертвы, при- носимыя ей, но техника обра- тила фактически землю въ еди- ное цѣлое. Римская государст- венность, съ одной стороны, христіанство, съ другой (като- личество) выработали эту идею; развитіе наукъ дало орудіе осу-

ществленія ея, и тотъ фактъ, что нынѣ земля составляетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ единое цѣ- лое, ставить европейскую куль- туру въ особое привилегирован- ное положеніе въ ряду другихъ культурныхъ типовъ.

Совершенно вѣрно: культуры рождаются и умираютъ; судя по аналогіи должна умереть и европейская культура, тѣмъ бо- лѣе, что есть признаки, указы- вающіе на истощеніе Европы. Но эти угасшія культуры бы- ли культурами частными; ихъ ограниченности во времени со- отвѣтствовала ихъ ограничен- ность въ пространствѣ, ихъ замкнутость. Нынѣ кругъ раз- бить: среди частныхъ, націо- нальныхъ, континентальныхъ культуръ возникла одна, кото- рая, правдами и неправдами, охватила всю планету. Подле- жить ли она также закону смер- ти, или найдетъ она въ себѣ силы переродиться и дать но- вые ростки? Сохранится ли ея приобрѣтенное, созданное? Ес- ли сохранится, то мысль о еди- номъ общемъ развитіи человѣ- чества (одной изъ формъ како- вой является идея прогресса) возрождается вновь, осложнен- ная.

Б. Шлецеръ.